

ДНЕВНИК ЧИТАТЕЛЯ

Генн дий ИВАНОВ. Для укрепления дух : Р змышления н к р нтине // Российский пис тель [С йт] URL: rospisatel.ru/ivanov_g-kar.html

«ВАС ВЕДЬ И УБИТЬ МОГУТ...»

Одна из публикаций Ольги Николаевны Решетниковой, историка-болгариста ... напомнила мне об одной из самых замечательных поездок в моей жизни.

1991 год, ноябрь. Наше посольство в Болгарии ... пригласило писателей Василия Ивановича Белова, Эрнста Ивановича Сафонова, Юрия Михайловича Лошица и меня побывать в Болгарии, повыступить, поездить и посмотреть страну. И сегодня, по прошествии многих лет, хочется ещё им сказать много раз спасибо и спасибо. Мы и Шипку видели, и разные городки, и софийские храмы... И побывали на окраине Софии в Княжевском монастыре, где нас почти породственному принимала игуменья матушка Серафима. Она мне очень напомнила матушку Варвару, игуменью Пюхтицкого монастыря в Эстонии, царство ей небесное. Они обе так переживали за Россию, за всё, что творилось тогда. Обе были в курсе всех московских событий, обе много молились за Россию. <...>

Особое внимание тогда матушка Серафима обратила на Эрнста Ивановича Сафонова. Он тогда был главным редактором боевой, очень популярной и очень интересной «Литературной России», которая не приняла «демократические» перемены, ведущие страну к потере суверенитета и народным бедам. Газете угрожали закрытием, встречи с читателями нередко отменялись, например по причине заложенной бомбы. Я раза два попадал на такую отмену встречи авторов «ЛР» с читателями.

Матушка Серафима, видимо со слов Ольги Решетниковой, сопровождавшей нас, была в курсе позиции газеты и всего, что переживает Эрнст Иванович. Она ему сказала: «Вам трудно

приходится...» Сафонов согласился: «Да, нелегко». Ольга Николаевна приводит этот разговор, который завершился так словами матушки Серафимы: «А знаете, будет ещё тяжелее, очень тяжело будет... Вас ведь и убить могут. А если убьют, слава Богу».

Я тогда, видимо, тоже всё это слышал, так как сидел рядом, но с годами забыл. Или, может быть, такие слова я порою слышал от сильно верующих людей, например писателя Владимира Крупина, поэтому как-то не очень и удивился... Но, читая статью Решетниковой, вдруг поразился этим словам. Конечно, это было сказано для укрепления духа писателя, бьющегося за Россию. Умереть за Бога, умереть за Россию... В нашей общественной жизни этого понятия уже нет, только в церкви.

Эрнст Иванович, оказывается, потом несколько раз прилетал в Софию, просил отвезти в Княжевский монастырь, подолгу беседовал с игуменей. Ольга Николаевна пишет, что в день безвременной кончины Эрнста Ивановича в монастыре отслужили панихиду по нему. В святом крещении он был Филипп.

НАШИ НЕУЛЫБЧИВЫЕ ЛИЦА

157
Тема наших русских лиц нередко всплывает в печати, особенно иностранной. Мы иностранцам видимся сумрачными, угрюмыми, одним словом, не улыбочивыми. Да, мы не очень улыбочивы на улице. Считаем, что смех (улыбка) без причины – признак дурачины. Считаем, что их улыбки зачастую искусственные, а мы любим всё естественное... Что-то в этом роде ещё можно наговорить, но вот что по этому поводу писал знаменитый европейский поэт Райнер Мария Рильке (1875–1926).

Одно время меня увлекла тема отношений этого изысканного европейца и нашего тверского поэта-крестьянина Спиридона Дрожжина, и я встретил такие слова Рильке о душевном строе русского человека: «Жизнь русского человека целиком протекает под знаком склонённого чела, под знаком глубоких раздумий, после которых любая красота становится ненужной, любой блеск – ложным. Он поднимает свой взгляд лишь для того, чтобы задержать его на человеческом лице, но в нём он не ищет гармонии или красоты. Он стремится найти в нём собственные мысли, собственное страдание, собственную судьбу. Русский человек в упор рассматривает своего ближнего; он видит его, и переживает, и страдает вместе с ним,

как будто перед ним его собственное лицо в час несчастья. Этот особый дар виденья и воспитывал великих писателей: без него не было бы ни Гоголя, ни Достоевского, ни Толстого».

А что касается отношений Рильке и Дрожжина, то я попробовал выразить их в стихотворении:

ДРОЖЖИН И РИЛЬКЕ

*В тверской деревеньке Низовке
Дрожжин Спиридон проживал.
Забыв о московской тусовке,
Здесь Рильке в Низовке бывал.
В восторге он был от деревни,
Душой полюбил Дрожжина,
Читал его стихотворенья
И переводил его на
Немецкий язык, и о Боге
Они говорили, бродя
По тихой пустынной дороге,
За птицами в небе следя...
Они выходили на Волгу,
И Рильке глядел и глядел
На русскую реку подолгу
И всё уезжать не хотел.
Потом будет Африка, много
В судьбе его будет дорог...
Но тёплого русского Бога
Забывать никогда он не мог.
То снилась поэту икона,
То вид на поля из окна...
И помнил всегда Спиридона
В Низовке своей Дрожжина.*

Рильке часами беседовал с Дрожжиным о Боге, они бродили по болотам, по берегам Волги. В своём дневнике Рильке записал: «На Волге, на этом спокойно катящемся море, быть дни и ночи,

много дней и ночей. Широкий-широкий поток, высокий-высокий лес на одном берегу и низкая луговая равнина на другом. Большие города там не выше хижин или шалашей. Заново переосмысливаются все измерения. Постигаешь, что земля необъятна, вода – нечто необъятное и необъятно прежде всего небо. Что я видел раньше, было только изображением земли, и реки, и мира. Но здесь это всё само по себе. Я словно воочию видел сотворение мира; смысл всего – в немногих словах, мера вещей – в руках Создателя».

Именно в русском народе европейский поэт увидел очень сильное творческое начало, залог выхода из тупика цивилизации. «Если говорить о народах, как о людях, которые находятся в процессе развития, то можно сказать: этот народ хочет стать солдатом, другой – торговцем, третий – учёным; русский народ хочет стать художником», – писал он.

Рильке издаст много книг, напишет глубокие статьи о художниках и скульпторах, будет путешествовать по Африке, у него будет несколько захватывающих романов с женщинами, он будет жить в замках, много чего у него будет в жизни, но на закате дней своих в одном из писем он напишет: «Решающим в моей жизни была Россия... Россия стала в определённом смысле основой моей жизни и мировосприятия».

Многие из нас всю жизнь повторяют про себя какие-то строки разных поэтов: то одно всплывёт, то другое... Вот эти строчки Рильке в переводе Анны Ахматовой нередко всплывают у меня в душе в какие-то моменты жизни:

*Одиночество, зовам далёким не верь
И крепче держи золотую дверь –
Там за нею желаний ад.*

Подготовил С. Донбай

